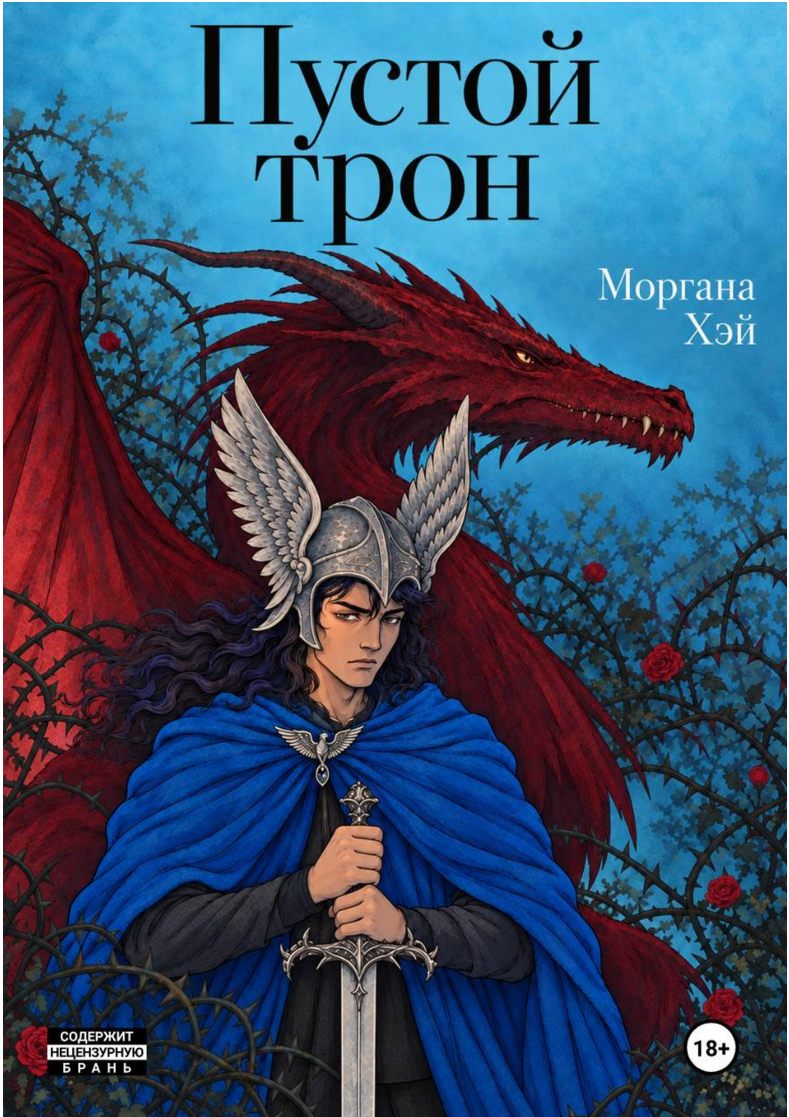
Пустой трон

Моргана Хэй



СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Моргана Хэй
Пустой трон

https://litres.ru/74604463
SelfPub; 2026

Аннотация

Конец света уже наступил. Давным-давно Старшие Боги сразились с Железными Богами, и с их гибелью на землю спустилась чёрная зима. Люди вынуждены жить в уцелевших городах-оплотах — только их сила пока что способна сдерживать ужасы чёрной зимы.

В далёких пустошах Диких Земель живут последние в этом мире драконы. Чтобы разгадать тайну вырождения своего племени, два юных дракона покидают старика-отца и отправляются в странствия.

В то время далеко на востоке в Золотом Городе умирает король Эдмунд. После его смерти Совет соберётся, чтобы выбрать нового короля — и у старых кланов уже есть кандидат, который всех устраивает. Но незадолго до праздника происходит трагедия, которая поначалу кажется случайной. Именно она становится первой ниточкой к заговору, последствия которого окажутся куда страшнее одной смерти.

Тем временем сам Золотой Город тоже начинает умирать. И человек, способный его спасти, меньше всего хочет короны.

Но очень скоро ему придётся поступиться собственным милосердием.

Содержание

Пролог 5
Глава I 14
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Моргана Хэй
Пустой трон

Пролог

Конец света уже наступил. Давным-давно Старшие Боги сразились с Железными Богами, и с их гибелью на землю спустилась чёрная зима. Люди вынуждены жить в уцелевших городах-оплотах — только их сила пока что способна сдерживать ужасы чёрной зимы.

В далёких пустошах Диких Земель живут последние в этом мире драконы. Когда-то они властвовали над землей, но теперь их род угасает. Чтобы разгадать тайну вырождения своего племени, два юных дракона покидают старика-отца и отправляются в странствия.

В то время далеко на востоке в Золотом Городе умирает король Эдмунд. После его смерти Совет старейшин соберётся, чтобы выбрать нового короля — и у старых кланов уже есть кандидат, который всех устраивает. Но незадолго до праздника происходит трагедия, которая поначалу кажется случайной. Именно она становится первой ниточкой к заговору, последствия которого окажутся куда страшнее одной смерти.

Тем временем сам Золотой Город тоже начинает уми-

рать. И человек, способный его спасти, меньше всего хочет короны. Но очень скоро ему придётся поступиться собственным милосердием.

***

382 год от высадки Королевы-Морячки

Ей хотелось, чтобы он перестал смотреть на неё. От его измученного лица делалось страшно. Неужели король отказал? Она отвернулась к королеве, хотя нестерпимо хотелось дождаться хоть какого-нибудь ободряющего знака.

Пир в честь именин королевы был в самом разгаре. Слуги протискивались между скамьями, подливали питьё, уносили блюда; над жарким поднимался пар, из очагов тянуло дымом. Прочие дамы королевы над чем-то рассмеялись, и она тоже улыбнулась, не расслышав шутки.

Королева показала соседке подаренную застёжку и протянула её девушке. Подарок едва помещался в ладони; на чернённой пластине вились тонкие серебряные стебли с мелкими листьями. Она приняла украшение и замешкалась.

— Убери в ларец, дитя, — королева смотрела на неё холодными серыми глазами.

Она поспешно наклонилась к скамье, возле которой стоял ларец, завернула застёжку в полотно и уложила к остальным подаркам. Королева разговаривала со следующим гостем. Сегодня она была особенно милостива, охотно слуша-

ла поздравления и шутила со своими дамами — впрочем, в смехе королевы не было ни капли тепла. Девушка закрыла ларец и выпрямилась. Принц уже отвернулся к отцу.

Она с обидой смотрела, как он слушает короля и отвечает с обычной учтивостью. Для неё у него с утра не нашлось ни минуты. Почему он медлит? Пусть хотя бы выйдет из чертога — она найдёт предлог последовать за ним.

Принц поднялся и вышел из зала, ни разу не обернувшись. Она осталась на месте, дожидаясь паузы в разговоре королевы с гостем. Только бы он не ушёл далеко. Если сейчас не удастся поговорить, другого случая перед отъездом может и не представиться.

Из открытых дверей тянуло прохладой. Как только гость умолк, она наклонилась к королеве.

— Государыня, принести вам накидку?

— Да, дитя. К вечеру здесь станет холодно.

Она вышла из чертога, стараясь не торопиться. В галерее разгорячённых щёк коснулась вечерняя прохлада; с моря тянуло сыростью, от сада — сладковатым запахом шиповника. В сумерках ещё можно было различить бледные лепестки вдоль ограды; дальше темнел густой тёрн. Ветер шуршал молодой листвой, где-то в ветвях пел дрозд. Здесь голоса пирующих звучали глуше.

Он ждал у двери в покои, высокий и темноволосый. В полумраке его лицо казалось бледной маской; серые глаза смотрели на неё с прежней мукой. Ей стало страшно, и упрёк

за долгое ожидание так и остался невысказанным. Он шагнул навстречу и притянул её к себе.

Она прижалась к нему, сразу забыв обиду. В зале приходилось улыбаться, отвечать на вопросы, прятать страх, пока королева решала её судьбу. Он держал её так крепко, что стало не по себе. Почему он молчит? Она подняла голову. Принц смотрел на неё со сжатыми губами. Она уже собиралась заговорить, но пожалела его: видно было, чего стоил ему разговор с королём. Осторожно коснулась его щеки, и он на мгновение прикрыл глаза.

— Что сказал твой отец?

Принц перехватил её ладонь. Она ждала, всё ещё надеясь, что сейчас услышит что-нибудь хорошее.

— Корона уплатит долг твоего дома. Весь, до последнего мешка зерна. Поля останутся у тебя.

Зачем он говорит о долгах? Она нетерпеливо ждала продолжения, но принц молчал.

— А… ты?

Его пальцы сжались. На мгновение лицо стало таким несчастным, что она уже пожалела о вопросе. Затем он выпустил её руку и выпрямился.

— Тебе придётся уехать. Ты останешься под защитой моей матери, но нам лучше больше не видеться.

Ей показалось, что она ослышалась.

Голос его прозвучал с безукоризненной вежливостью. Она поневоле отступила, хотя ещё хотелось прижаться к

нему, спрятать лицо у него на груди. Как теперь искать у него утешения, если он сам отказывается от неё?

Глаза защипало, и она стиснула губы, злясь на себя за слабость. Неужели он так и будет смотреть, пока она плачет?

— Ты мог сначала спросить меня.

— Ты отказалась бы.

— Я обойдусь без этих полей. Слышишь? Мне не нужно ничего, если ты будешь со мной. — Она взяла его за руку. — Уедем. Ты возьмёшь коней, а я выйду следом. — Он крепко сжал её пальцы, и она поспешила добавить: — Мне не нужно ничего…

— Я никогда не оставлю двор и Оплот.

Он высвободил руку.

Она смотрела на него, не зная, что ещё предложить. Она готова была уйти с ним без денег, без всякой надежды вернуться домой. Но он стоял на месте, вдруг став похожим на королеву-мать с её ледяными глазами и безжалостным лицом.

Губы предательски задрожали. Она закусила нижнюю, чтобы не расплакаться.

— Прошу тебя, позволь мне остаться.

На мгновение он подался к ней. Его пальцы коснулись её щеки, и она невольно прижалась к его ладони. Она уже потянулась навстречу, но он остановился. Ей стало стыдно за это движение, за готовность простить ему всё.

Он убрал руку.

— Ты носишь под своим сердцем дитя, — глухо произнёс он. — А я даже не знаю, мой ли он. Или…

Она отступила. От стыда и злости потемнело в глазах. Он видел её слёзы, слышал признания, после которых она боялась смотреть ему в глаза. Она доверилась ему, а он воспользовался этим, чтобы унизить. Неужели недостаточно было отказать?

Она ненавидела его за эти слова — и за то, что ещё мгновение назад готова была простить его снова. Ей хотелось причинить ему такую же боль. Пусть когда-нибудь сам унизится до просьбы — и не дождётся даже жалости.

— Пусть он окажется твоим. — Она услышала свой голос будто со стороны — низкий, непривычно ровный. Слова прозвучали как проклятие, и на мгновение она сама поверила, что они сбудутся. — Пусть ты полюбишь его так, как я люблю тебя. А когда он отвернётся от тебя, вспомни, что ты сказал мне сегодня.

Он стоял перед ней совсем бледный. В его лице больше не было той учтивой холодности; она увидела стыд и горе и поспешила отвернуться и уйти, пока снова не пожалела его.

В покоях она забрала королевину накидку. В галерее пахло цветущим шиповником и сырой травой из сада. Молодые листья тёрна шелестели за столбами; из открытых дверей доносились голоса гостей. Она возвращалась к королеве, чувствуя, как вечерний воздух холодит мокрые от слёз щёки.

Берег менял
Страж
Малые холмы
Посевные поля и пастбища
Великое святилище
Речной тракт
Перекресток
Посевные поля и пастбища
Эстурийский квартал
Северный дозор
Мост Омовения
Северное святилище
Пролив Гэлрунн
Собачье святилище
Страж
Особняки брегонских кланов
Страж
Сестринский Дом
Большая Яма
Постоялые дворы
Мёртвый Страж
Западный дозор
Квартал ремесленников
Постоялые дворы
Городские бани
Моровая долина
Алый проулок
Разлом
Постоялые дворы
Собачье Рыло
Городские бани
Южное кладбище
Узилище
Речное святилище
Тростниковый овраг
Собачья лагуна
Морские причалы
Кузнечный мост
Торговый квартал
Путь покойника
Сигнальная башня
Собачий Хвост
Речные доки
Посевные поля и пастбища
Рыбацкий мост
Рыбацкая гавань
Речной базар
Поместья брегонских кланов
Нижнее святилище
Страж
Малые холмы
Рыбная улица
Городские бани
Постоялые дворы
Соколиный мост
Малая Яма
Золотой нужник
Лесной тракт
Страж
Морской великан
Восточный дозор
Мёртвый Страж
Королевское святилище
Щучья дорога
Великий холм
Плачущий Сокол
Охотничий дом
Птичий лес
Мёртвый Страж
Стена Эдмунда
Волчья тропа
Утёс Королевы
Охотничья тропа
Сигнальная башня
Поганище
Эстурийское море

Северная Корона
Горбатый лес
Хребет
О-ва Костеглодов
Рутен
Альзас
Сверик
Море Зимних Штормов
Сифельдар
Скловен
Тэльвен
Бледного
Дикие Земли
Лодиана
П-в Ону
Беорика
Закатные острова
Хакаам
Огня
Бреголиад
Эстурийское море
Жемчужное море
Золотое море
Южная Эстурия
Эмида
Нарасу
Те-Кан
Сархида
Тир
Королевство Хаирское
Седаи
Суламин
Саальбек
П-в Селлука
Тессалия
Эльшаана
Пондуканта
Костяной Путь
Драконье плато
Пепельное море
Леокадия
Жгучие Пески
Астург
Лаори
Этеф
Асвана
Хеслуин

Глава I

Белая Пророчица

382 год от высадки Королевы-Морячки

Издали огнелес напоминал собой пылающий гриб. Покатая крона великого огнедрева образовывала алую шляпку. Младшие деревья притаились в её тени — бурые, оранжевые, мутно-зелёные и даже бордовые — их всполохи темнели по сравнению с деревом-прародителем.

Шадра ударилась о поверхность с такой скоростью, что землю сотрясла волна. Эта волна докатилась до горевшего над расщелиной огнелеса. Гигантский гриб загудел, кроны младших деревьев задрожали — огнелес заискрился, рассыпая на землю самые слабые свои плоды. Их все пожрут голодные иглоклыки.

Но это будет позже, много позже. До тех пор, пока не угаснет последнее эхо её крика, ни одна тварь не посмеет высунуть носа из укрытия.

Шадра глядела на огнелес немигающими змеиными глазами. Когда она осознала, что падает, ей удалось сгруппироваться. Она скорчилась в комок как нерождённый детёныш и усилием воли напрягла каждую мышцу, которую могла ощутить. Каменная кожа и груда мышц должны были стать её

панцирем при ударе. Но тело её — длинное, тяжёлое, одряхлевшее за последнюю сотню лет — уже не служило с прежней верностью. Теперь она ощущала такую боль, которая в юности могла бы показаться ей пустячной. Сегодня эта боль пригвоздила её к земле.

Шадра не шевелилась. Ей нужно было прийти в себя после удара. Голова её гудела громче потревоженных огнедрев. Краем глаза она видела в нескольких шагах от себя ошмётки того, что осталось от ночного певца. Она выронила его из лап в тот момент, когда крылья отказали ей.

Голова несчастного четырёхрукого существа размозжилась о камни, алое и серое месиво смешались воедино. Ночной певец не умер, когда она подхватила его с земли. Она помнила, как её когти пронзили серую кожу, и он верещал, зажимая свободными руками вывалившиеся наружу бледно-розовые внутренности. Но он был жив там, на высоте, когда они оба начали падать.

Так они и лежали: ночной певец с разметавшимися по сторонам лентами блестящих кишков, и она — белый неуклюжий ящер с отказавшими крыльями.

Наконец гудение в голове стало стихать и Шадра попыталась шевельнуть правым предплечьем. Левое упиралось в землю и каждые несколько мгновений пронзало тело острой болью. Боль текла из основания её крыла к самому стволу позвоночника.

Шадра услышала, как шелестит её правое крыло, а затем

— снова подлая боль слева как удар ножом. Нужно было перетерпеть и подняться. Из ноздрей Шадры пошёл дым, но, как она ни старалась, ей не удалось пошевелить крылом.

Воздух снова наполнился шелестом кожистых крыльев — но это была уже не она. Ингрод услышал её рёв и летел на помощь. Он с шумом приземлился возле неё, уперевшись ногами в камни с растёкшимися мозгами мертвеца. Кусок черепа мягко хрустнул под его когтями, выдавив серую жижу.

Из ноздрей Ингрода тоже шёл дым — от гнева.

— *Ты сможешь подняться?*

— *Посмотри.* — Шадра не чувствовала своих крыльев. Только пронзаемые болью предплечья.

Он неуклюже обполз её кругом — со сложенными крыльями он был огромной буро-красной ящерицей с каменной кожей и гривой вокруг шеи. Гигантской мордой он толкнулся несколько раз в её спину. Она ощущала лишь сплошное жжение от каждого его толчка.

— *Твоё левое крыло тебя не поднимет. Не сейчас.*

— *Что с ним?*

— *Не сейчас. Сегодня оно не поднимет тебя.*

— *Покажи мне!*

Шадра силой вторглась в его сознание — Ингрод никогда не держал против неё барьеров. Сейчас он не желал открывать ей правду — но и не был готов к её ярости. А после вторжения не стал сопротивляться — не посмел бы причинять ей новую боль.

Тело Шадры ломило от тысячи острых молотков, одновременно ударявших её от кончика носа до хвоста. Пылая болью и яростью, она разглядывала кровавую картину, которая предстала перед взором Ингрода. И ярость её медленно перетекала в отчаяние.

— *Сегодня оно тебя не поднимет,* — повторил Ингрод. — *Но я останусь здесь до тех пор, пока ты не сможешь добраться домой.*

Ингрод говорил «сегодня». Но Шадра знала, что разорванное и сломанное крыло больше не срастётся. Не сегодня и не завтра. Никогда. Оно не срослось бы даже в те годы, когда Шадра только вышла из материнского яйца и всякая царапина заживала на ней сама по себе в течении пары часов. И в дни расцвета её сил, когда сёстры и тётки склонили перед ней свои головы, признав Белой Пророчицей, когда она возглавляла их стаю и исцеляла раны родни, — даже тогда бы ей не удалось собрать это крыло воедино.

Оно не срастётся и теперь, когда она стала древней старухой. А правое крыло не удержит её в воздухе. Ингрод говорил «сегодня» лишь потому, что любил её. Он хотел уверить её, что она выживет.

— *Это крыло уже больше не поднимет меня. А правого мне не хватит.* — Шадра зашевелилась, пытаясь повернуться так, чтобы перенести вес на задние лапы, а брюхо оказалось точно над землёй.

— *Не шевелись!* — зарычал Ингрод, но Шадра не послу-

шала его.

— *Помоги мне встать*, — велела она. — *Я должна встать на землю и ползти в пещеру как ящерица.*

Ингрод недоумённо смотрел на неё тёмно-янтарными глазами. Веки левого глаза его пересекал старый шрам, успевший побледнеть и сморщиться от времени. Бледный как слеза.

— *Оставайся на месте, пока не уйдёт боль. Я принесу тебе добычу. Твои раны исцелятся.*

— *Если я останусь здесь, я умру.*

— *Никто не посмеет приблизиться к дракону.* — Из ноздрей Ингрода пыхнуло жаром. Ингрод не был белым как она, но ему чудом достался дар укрощения огня. Достаточно было взгляда Ингрода, чтобы посмевший показаться на глаза дракону превратился в обугленный труп.

Шадра перевела взгляд в сторону огнелеса. Огромный пылающий гриб переливался тёмными огнями на сумрачном склоне. В самом сердце огнелеса, в корнях великого древа ждала пещера. Их дом с десятками каменных тонелей. А в доме их ждали дети.

Ингроду не достанет силы тащить её. Он мельче неё. Пока она доберётся до пещеры, пройдут долгие часы. К утру её тело оставит за собой кровавую дорожку, к которой в течение суток соберутся все падальщики Дымной Расщелины. Дракон умирает! Они поверят, что жить теперь станет легче. Голодные и торжествующие, они будут слизывать с камней

её высохшую чёрную кровь, а потом внутренние органы их растворятся от кислоты. Они будут умирать несколько суток, раздирая когтями горло и пытаясь изрыгнуть горящие внутренности. Даже мёртвый дракон способен убивать. Ингрод славно попирует их тушами. Некоторых он наверняка начнёт есть заживо, ведь верещащая от боли жертва всегда приятнее на вкус, чем остывший труп.

— *Я умру здесь*, — тупо повторила она. — *Переверни меня или я сделаю это сама и истеку кровью. Я должна вернуться в пещеру*.

***

У входа в пещеру Шадра отослала Ингрода прочь. Он прервал охоту и до самого рассвета кружил возле неё, пока она ползла по камням вверх по склону. Она чуяла его гнев — ярость дракона накаляла воздух жарче испарений в огнелесу. Каждый раз, когда камень впивался ей в кожу, когда неловкое движение становилось причиной нового всплеска боли в её теле, — Ингрод гневался пуще прежнего. Он выжег всю тропу на её пути, превратил в пепел каждый поваленый ствол, чтобы ей было легче ползти вперёд. Мысль «нужно было остаться» висела между ними все долгие часы до рассвета.

— *Теперь я дома. Ступай дальше охотиться.*

Ингрод глядел на неё янтарными глазами, пытаясь уга-

дать её намерения. Ей пришлось приложить все силы, чтобы скрыть от него свои мысли. К утру она совсем обессилела. А ей ещё нужно было вползти внутрь. Как-нибудь.

И ей нужно было избавиться от Ингрода.

— *У меня их нет,* — выдохнула Шадра. — *Никаких намерений. Я залягу внутри и буду отдыхать. Как ты и желал. Я буду ждать от тебя добычи, чтобы набраться сил. Затем я попробую залечить себя.*

— *И ты не выйдешь отсюда?*

Выходить наружу она точно не собиралась. Уже, наверное, никогда. Шадра позволила себе немного раскрыть свой разум — чтобы Ингрод поверил ей и наконец убрался прочь.

Из последних сил она слепила в своём сознании образ самой же себя, лежащей в пещере. Уже несколько часов ей и впрямь хотелось просто лечь, закрыть глаза и не шевелиться. Она даже знала, как смогла бы спрятаться от боли. Ингрод тоже это знал.

— *И ты не уйдёшь в камни?*

Он боялся, что позволив своему сознанию окунуться в воспоминания, врезанные в каменные плиты их пещеры, она не захочет возвращаться в горящее от боли тело.

Он любил её, дурак. Эгоистично любил. И поэтому не давал ей умирать.

— *Ты знаешь, что я никогда не уйду в каменные воспоминания.* — Она собралась с духом. — *Ступай и принеси мне ещё парочку ночных певцов. Мне нужно много есть, если уж*

придётся дальше жить.

Глядя, как его силуэт исчезает на фоне розовеющего неба, Шадра думала про себя — поверил ли он ей или наконец смирился? Быть может, если бы он смирился несколько веков назад, когда она ещё достаточно могучей, в этом логове теперь бы подрастало больше дюжины молодых драконов.

Шадра была последней Белой Пророчицей. Она видела, как умирали друг за другом все её родичи. Она наблюдала, как её сёстры приносили себя в жертву, надеясь пробудить этим спящие драконьи яйца. Они вызывались сами и никогда не просили об этом её. Последняя в мире Белая Пророчица должна жить. Кто ещё направит молодняк как не она? Шадра помнила, с какой надеждой и радостью шли на смерть её сёстры. Каждая из них была уверена, что именно её жертва разбудит их детей.

— *Живи,* — говорили ей сёстры. — *Живи и научи жить наших детей.*

И всё было напрасным — они не были белыми и каждый раз их жертвы было недостаточно. Шадра сама снесла несколько кладок и надеялась, что яйца, снесённые ею, отличаются от других. Ей думалось, что её дети пробудятся сами.

На самом деле она просто боялась смерти.

Ингрод, избранный ею в супруги уже после Железного Рока, поддерживал её в этих мыслях. Так они и старели вдвоём, хороня свою стаю одного за другим.

Легко было валить вину на эгоизм Ингрода, когда она са-

ма всякий раз с лёгкостью соглашалась с его доводами. Она потеряла почти всех, кого любила, и она по-прежнему боялась уйти за ними во тьму.

Но теперь, когда её крыльям больше не суждено поднять её в небо, она обречена жить во мраке их логова.

И она знала, что без неба и крыльев её судьба незавидна — рано или поздно она поддастся отчаянию и похоронит рассудок в каменных воспоминаниях. Ингрод приложит все усилия — но никому ещё не удавалось вернуть обратно того, кто потерялся в камне. Рано или поздно он сдастся и сожжёт её бездушное тело.

И эта гибель уж точно будет напрасной.

Ингрод улетел, и Шадра заползла в пещеру.

Изнутри логово их являло собой сеть разветвлённых тоннелей, петляющих как змеи среди корней великого огнедрева. Часть тоннелей вела вниз, ещё глубже в землю, другая — выводила к потайным камерам. Когда-то давно в каждом из них жили драконы, но теперь от них остались лишь краткие образы воспоминаний, врезанных в каменные плиты потолка и стен.

Велик был соблазн отправиться в одну из таких заброшенных камер и, устроившись, насколько позволит изломанное тело, закрыть глаза и окунуться в мир полуснов-полугрёз. Найти воспоминания тех, кто жил в этом мире задолго до Железного Рока, когда синее небо можно было увидеть с земли, не минуя толстый слой серых облаков.

Шадра ещё не забыла, каким синим было небо до Рока. Она почти поддалась соблазну навсегда спрятаться в прошлом.

Шадра миновала входную арку пещеры, в которую прошлым вечером сама врезала защитные чары. Брюхо её, исцарапанное и извалявшееся в пыли, пекло при каждом движении. Раны засорились и начали воспаляться. Шадра физически чувствовала, как воспаление течёт по крови из ссадин глубже в тело. Она могла бы попытаться сконцентрироваться и заставить своё тело бороться с заражением. Но тогда у неё точно не останется сил на остальное.

Поэтому она не стала отдыхать. Не стала она и пытаться заглушить боль и останавливать распространение заразы в теле. Пусть тело начинает умирать. Ей хотелось бы оставить что-то детям… или Ингроду. Когда она ползла сюда в ночи, она была уверена, что у неё будет возможность запечатлеть в камне хотя бы одну мысль. Но сейчас внутри неё жили только усталость и боль. Этого ей не хотелось оставлять после себя.

В дальней камере, в самом сердце драконьего логова, она нашла кладку. Тёмно-красные, сиреневые, бордовые, бирюзовые и лазурные, они переливались во тьме точно крохотные колдовские светильники. Здесь были не только её яйца — тут сохранились окаменевшие кладки её родственниц. Все их Шадра бережно хранила долгие годы после гибели их матерей. Она оглядывала яйца, чувствуя, как бьются внутри

каждого крохотные жизни. Их сны были невинны и она не смела их тревожить. Как ей хотелось увидеть однажды, как юный дракон пробивает головой кожистую оболочку яйца!

Она уже успела забыть, как выглядят новорождённые. Забыла она и звук их голосов, и их первые детские вопросы. Ей хотелось однажды увидеть, как её собственные дети расправят крылья и впервые поднимутся с земли.

Но теперь она знала, что никогда этого не увидит.

Достаточно ли теперь в её теле сил, чтобы отдать их детёнышам? Сможет ли одряхлевшая Белая Пророчица пробудить к жизни хотя бы одного из малышей? Раньше она смогла бы. Наверняка. Но как же она тогда боялась смерти!

«*Я не боюсь смерти,* — сказала ей сестра перед тем, как сжечь себя. — *Мы все спим глубоким сном перед тем, как родиться. Сначала в лоне матери, затем — в яйце. А значит, огонь не убьёт меня, — я просто снова усну*».

Раньше Шадра не верила её словам. Но за сегодняшнюю ночь, когда она поняла, что больше никогда не увидит небо, они вдруг показались ей сами собой разумеющимися.

***

Звёзды смотрели на него как глаза.

Взошла вторая луна, когда Ингрод наконец увидел перед собой клубящиеся пары из Дымной Расщелины. Прошло несколько часов с тех пор, как он оставил супругу у входа в

пещеру.

За это время он успел убить четверых. Верещащая тощая мерцальница, которой он закусил, чтобы забить чувство голода. Кожистые крылья её Ингрод отрыгнул — они были подобны бесвкусной сухой листве и оставляли неприятное чувство в пищеводе.

Потом был молодой иглоклык. Он метался в панике, когда мать и братья разбежались в стороны, завидев в небе чёрный силуэт дракона. В отличие от мерцальницы кабан почти полностью удовлетворил аппетиты Ингрода. Дракон не побрезговал даже его клыками — они хрустнули, когда он начал лакомиться поджаренной плотью. Другие хищники избегали клыков — из-за выделяемой наконечниками отравы. Для дракона яд иглоклыка был лишь сладкой приправой к ужину.

И вот теперь он волок в своих когтях двух мёртвых ночных певцов. Шадра особенно любила их мясо, и Ингрод не поленился разыскать их тайную лёжку и разорить. Этой добычи Шадре хватит на несколько дней.

Великое огнедрево приветствовало Ингрода тёмным пламенем своих плодов. Ингрод издал торжествующий клич, чтобы воздать ему свою благодарность, и спикировал вниз как орёл, падающий на добычу. Давным-давно огнелеса породили драконов, и Ингрод почитал их как родную мать.

Он не успел войти внутрь, но уже почуял запах гари. Воняло горелой плотью и серой. Это не был запах, спустившийся в огнелес с краёв Дымной Расщелины. Древний вулкан дав-

но спал и Ингрод почувствовал бы его пробуждение задолго до того, как жить здесь стало бы опасно.

Ингрод расцепил когти и замер как пантера перед прыжком. Два мертвеца кубарем покатились по склону, подпрыгивая и ударяясь о каждый встречный камешек. Наконец один из них свалился в кривую канаву, неуклюже откинув назад сломанные руки. Его собрат по смерти врезался в эти руки и тоже застыл на месте. Ингроду не было до них дела — он сосредоточенно принюхивался к смраду, который сочился из входа в пещеру.

Шадра была внутри. Ингрод чуял её, но не мог достучаться до её разума. Она захлопнула ворота в тот момент, когда он отправился на охоту. Он не стал ей прекословить — лишь потребовал одно-единственное обещание.

Ингрод нашёл её в самой дальней камере их логова. Она лежала на каменном полу перед сложенным из ветвей, сучьев и пуха гнездом. Как жертва на алтаре она распластала свои широкие крылья и вытянула длинное тело. Почерневшие рога её короны и пустые глазницы с вытекшими глазами были обращены в сторону кладки. Пепел, в который она обратила свою кожу, плоть и внутренности, искрился последними всполохами.

Шадра сдержала обещание. Она не стала прятаться от боли в каменных воспоминаниях.

Вместо этого она выбрала огонь.

Ингрод глядел на обугленный скелет своей супруги, не

могущий ещё поверить своим глазам. По привычке он стремился нащупать сознание Шадры, отыскать её в великом потоке жизни. И всякий раз натыкаясь на пустоту, он мало-помалу начинал осознавать действительность.

Внезапная пустота оказалась холодной как лёд.

Безутешный, онемевший и оглохший, он просидел у останков Шадры целую ночь. Лишь когда дым начал оседать на землю и сквозь густой сумрак пещеры пробилось сияние драконьих яиц, Ингрод наконец стал возвращаться к реальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.